

© 2012 г. А.М. Руденко

УДК 101

**СОЦИОВИТАЛЬНАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ
ЭКЗИСТЕНЦИИ ЧЕЛОВЕКА:
ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Социовитальная экспликация экзистенции человека, раскрывающая полноту его существования в единстве ее витального (жизненного в биологическом смысле) и социального (социокультурного) измерений, требует интеграции усилий ученых из самых разных, традиционно считающихся противоположными областей знания. Вопреки устоявшейся позиции современного научного сообщества, заключающейся в экстраполяции природного и социокультурного, мы склонны считать, что социокультурные системы и вся человеческая культура, несмотря на свое качественное своеобразие, в целом погружены в природу, или точнее в систему природы. При этом совокупный филогенетический и исторический опыт доказывает, что «природа – более сильная система, чем культура, несмотря ни на какую мощь человеческого разума» [1, с. 57]. Согласно же синергетической парадигме, более сильная система имеет свойство поглощения элементов менее сильной. Во всяком случае это доказывает наличие тесного взаимодействия между природной и социокультурной системами. Поэтому «размежевание, установленное между биологическими и гуманитарными науками по линии разделения природного и культурного существования человека, по сути дела, равнозначное разделению на дочеловеческое и собственно человеческие состояния, представляется крайне неудачным. На этой разделительной черте в равной степени спотыкаются и биологи, и гуманитарии, поскольку, первым интересен и современный человек, претерпевающий морфологические изменения, а вторым, практически ничего не добавляет обращение к ископаемым останкам человекообразных существ» [2, с. 6]. Очевидно, что наиболее адекватное исследование человека в современных условиях становится возможным за счет синтеза психологических, социологических, биологических данных с применением

философско-антропологических и социокультурных методов. Подобный подход создает интегративную социовитальную модель экзистенции, раскрывающую человека в необходимой полноте и непротиворечивости. В противном случае одномерная, например, только биологическая экспликация природы человека приводит не только к негативным социальным последствиям, формируя расовые или нацистские мифы, но и является методологически необоснованной, поскольку биологизаторский редукционизм не усматривает в человеке ничего специфического. Несовершенной является и психологическая модель рассмотрения человека в силу слишком узкой сферы ее предметности: психические явления в ней рассматриваются как самостоятельная сфера субъективности, и, кроме того, категориальный аппарат психологии не позволяет рассматривать значительную часть фундаментальных проблем, касающихся человеческой экзистенции.

Социовитальной подход к человеческой экзистенции, основанный на поливариантности экспликации ее феноменальных проявлений, *интегрирует весь комплекс наиважнейших фундаментальных ценностей и идеалов существования человека, которые придают ему смысложизненную интенциональность.* Данный подход позволяет приблизиться к осознанию экзистенциальных истин, которые образуют нечто вроде «духовного базиса, системы гуманистических абсолютов (императивов), констант человеческого существования» [3, с. 187]. Истина экзистенции есть не то, что ты знаешь, а то, что ты есть (С. Кьеркегор). Сложность ее познания продиктована тем, что «в действительности субъективная жизнь именно постольку, поскольку она переживается, никогда не бывает объектом знания; она по самой своей сути ускользает от познания... эта субъективность... и есть то, что Кьеркегор назвал *экзистенцией*» [4, с. 15-16]. Если любая частная наука главной ценностью объявляет истину, хотя обретение истины не является исключительной прерогативой науки, то экзистенция имеет дело с континуумом, «где правда и неправда – крайние точки, между которыми находится много промежуточных» [5, с. 54]. По-видимому, следует согласиться с тем, что иногда «в экзистенции нет жесткой дихотомии «истина – ложь»; достаточным основанием признания чего-то служит не демонстрация, а позитивная аксиологизация... Правда легенды в экзистенции теснит правду истории: важен не истинностный дискурс, а ценностная презумптивность, не протоколы, а полнота переживаний, духоподъемность» [6, с.

131-132]. То есть мы видим, что речь идет не об отказе от истины, а о совершенно новом содержательном наполнении этого понятия, которое, впрочем, понятием в строго научном смысле слово не является, поскольку характеризуется не степенью предельной сущностной формализованности, а, наоборот, ценностной полнотой неопределенности: «Истина *cogito* соотносится с нечелoveкоразмерным бытием самим по себе, потому что она несет независимое от субъекта объективное содержание. Истина *existenz* соотносится с человекоразмерным бытием для нас, потому что она несет субъективно значащее содержание. Истина первого рода передает причастность к реальности. Истина второго рода передает причастность к жизненной полноте» [6, с. 132-133]. Кроме того, натуралистичная истина науки сугубо рационалистична, а одухотворенная истина экзистенции достигается не только с помощью разума, но и инстинкта, чувств и сверхчувств, в том числе интуиции.

Что касается научной истины, то она, возможно, хоть и более других заслуживает доверия, все же является аспектом более многомерной и многозначной истины. Место, где рождается истина – это место бытия человека, который, выбирая и останавливаясь на определенном векторе бытия, несколько отстраняется от истины, если не властен над этим процессом, если это происходит в сфере обыденного сознания, и он приближается к ней, если метафизическая мудрость сохраняет в нем память о «тайне». Вектор-выбор оказывается обреченным на высвечивание истины. Данное сложное состояние единства, «расплавленного в тайне» бытия и «выбранного места», и есть та человеческая точка, где рождается истина [7, с. 102]. Таким образом, человек становится тем, кто высвечивает истину. Экзистенциальные истины всегда индивидуально прочувствованы, социально и личностно окрашены, выстраданы, иными словами они *социовитальны*. Именно поэтому *всякие оригинальные философские истины почти всегда так или иначе экзистенциальны: каков человек (философ), такова и его философия*.

Социовитальная экспликация экзистенции человека требует выработки специфического категориального аппарата, ибо категории, являясь всеобщими и концентрированными формами, устойчиво организующими принципы научного рационализирования, выступают в качестве основного инструментария философа в его интеллектуально-духовном освоении действительности. При категориально обусловленном анализе социовитальная экспликация

экзистенции человека предстает как абсолютное понятие, а реальная экзистенция – как соотносительное понятие, которое в процессе теоретического моделирования может подвергаться квантификации. Двойственность экспликации экзистенции требует применения различных методологических подходов к ее изучению. Как абсолютное понятие экзистенция может рассматриваться сквозь призму феноменологии, в то время как реальная экзистенция наиболее адекватно может быть исследована в рамках системного подхода, хотя жесткой грань между ними нет. Очевидно, что модификация человеческой экзистенции в пределах исторического времени и трансформирующееся социально-культурной реальности требует принятия философско-антропологической парадигмы в ее исследовании. Между тем, большинство современных философско-антропологических изысканий страдает редуционизмом, то есть характеризуется применением приемлемых для нечеловекообразных гносеологических контекстов приемов на человекообразные. Подобная тенденция эксплицитно антропологическое неантропологическим прослеживается на протяжении многовековой истории философии и науки, при этом происходит редуция антропологического к географизму, космизму, техницизму, механицизму, натурализму, органицизму, физиологизму, химизму, этицизму, физикализму, биологизму, сексуализму, бихевиоризму, телеологизму, провиденциализму, эсхатологизму, финализму, субъективизму и т.п. Но для социовитальной экспликации экзистенции в рамках философско-антропологического исследования необходим не редуционизм, а признание ее самодостаточности и несводимости ее к фундаментальным структурам. Подобная экспликация экзистенции восстанавливает автономию человеческого как идею, образ и принцип антропологического как некую самодостаточную, относительно самостоятельную динамическую силу. Установка на признание самостоятельного онто-гносеологического статуса человеческого экзистенции конституирует наиболее релевантный эвристический базис концептуализации человека, не аннигилируя его самости и не сводя его сущностные ипостаси к фрагментарности частнонаучных концепций, функциональности и сослагательности.

Достижение заявленной гносеологической установки предполагает пересмотр традиционных модернистских подходов к исследованию экзистенции и признание необходимости «мышления отношениями». Категоричное тре-

бование равноправия сменяется стратегией признания различий, инаковость становится онтологической категорией, получая онтологический статус вне каких-либо оппозиций и норм. Социовитальный подход к осмыслению экзистенции в свете данной гносеологической установки позволяет использование интерпретативного (феноменолого-герменевтического) подхода в ее оценке, что дает возможность рефлексировать узкие рамки модернистских бинарных оппозиций «экзистенция/эссенция», «экзистенция/смерть», «экзистенция/неаутентичность», «экзистенция/ утрата идентичности», «экзистенция/бессознательное» и др. и отойти от понимания экзистенциальных отношений как отношений «полюсов напряжения».

Выявить глубинный социовитальный характер экзистенции позволяет преодоление гносеологической установки на рассмотрение феномена через бинарные оппозиции и признание адекватности смыслового поля экзистенции в ее поливариантной экспликации. В этой связи Д.В. Матяш справедливо отмечает: «Бинарные установки, будучи доминанциями современного общества, фиксируют и определяют содержание его интеллектуальных запросов и проблем. Переосмысление этих установок, будучи своеобразной критической рефлексией новоевропейской культуры на свои основания, началось еще во времена Ницше. Но только в середине XX века были четко сформулированы теоретические, мировоззренческие, культурологические и др. «претензии» к «засилью» бинарности в современном обществе» [8, с. 3]. И тем не менее, по словам Д.В. Матяша, и в 90-х годах XX века интерес к бинарностям у отечественных и зарубежных исследователей не угасает. Примером того служит исследуемая им постсакральная бинарность «жизнь-смерть». Ту же позицию занимает и А. Маслоу, который, рассматривая бытие с точки зрения его предмета, проблем, области применения, среди прочих факторов включает в него «все состояния, в которых дихотомии (полярности, противоположности, противоречия) преодолены (трансцендированы, комбинированы, слиты, интегрированы). Имеются в виду, например, эгоизм и альтруизм, разум и эмоция, порыв и контроль, доверие и воля, сознательное и бессознательное, противоположные или антагонистические интересы, радость и печаль, слезы и смех, трагическое и комическое, апполоновское и дионисийское начала, романтическое и классическое и т.п.» [9, с. 28]. Основываясь на проведенном исследовании, мы также приходим к выводу о том,

что поливариантность социовитальной экспликации экзистенции достигается преодолением гносеологических императивов, монополизовавших право познания истины в рамках бинарностей (например, «экзистенция/эссенция», «экзистенция/неаутентичность» и т.д.).

Социовитальный характер экзистенции человека выражается в том, что он длится во временном интервале от момента, когда его «еще нет» до момента «уже нет», но смысл данной экзистенции может преодолевать эти границы, в зависимости от глубины, качества и самобытности его воплощения в этом интервале в социокультурной реальности. Но человеку всегда хочется увидеть смысл своего существования, именно находясь в нем, что проявляется универсалиях внутриличностного опыта, т.е. экзистенциалах человеческого бытия (страхе, тревоге, любви, надежде, вере, вине, страдании и др.). Именно они при жизни человека раскрывают ему специфику собственного личностного бытия, компенсируя невозможность проследить влияние его экзистенции на социокультурную реальность после его смерти, что в совокупности прижизненного опыта личности составило бы ее онтологическую завершенность.

Поскольку экзистенция внутренне ощущается и воспринимается человеком как его индивидуально-личностное, собственное бытие в его единстве, непрерывности и уникальности, то понятие «экзистенция» можно рассматривать как синоним понятию «сознание», которое предполагает рефлексивность и целостность отношения к внешнему и внутреннему бытию личности. Тем не менее, понятие «экзистенция» имеет ряд существенно важных отличий, одним из которых является то, что оно несет на себе среди прочего важнейшую смысловую константу, раскрывающую аутентичность индивидуально-личностного бытия человека.

Человеческая экзистенция представляет собой не просто существование в витальном смысле, но подлинное, аутентичное, собственное бытие личности. В повседневности аутентичность личностного бытия постоянно ограничивается социально и витально. И лишь «беспокойство» (М. Хайдеггер), «страх» и «тревога», (Ж.-П. Сартр), и возникающее в связи с этим ощущение заброшенности создают трагическое ощущение финитности и бессмысленности неаутентичного существования, раскрывают человеку перспективу уничтожения экзистенции, заставляя человека начать поиск вариантов выхода из данного состояния.

Экзистенция человека является антитезой смерти в ее социальном, психологическом и биологическом смыслах. Как антитеза *социальной смерти* экзистенция выступает как система эмоционально-значимых привязанностей личности в ее коммуникации, перцепции и интеракции в рамках «созвездия значимых». Как антитеза психологической смерти экзистенция человека является психическим состоянием, в котором человек не сомневается в ценности жизни и не размышляет о том, насколько целесообразно жить дальше, не лишаясь смысложизненных ориентиров и ощущая потерю смысла жизни. Как антитеза биологической смерти человеческая экзистенция выступает потому, что жизнь человека, как биологический фундамент экзистенции, имеет четкие рамки, ограниченные рождением и смертью. Именно поэтому индивидуально-личностной сущностью экзистенции является сама человеческая жизнь.

Отсутствие креативности также может считаться антитезой в дуаде с экзистенцией, ибо аутентичность экзистенции человека предполагает наличие у личности креативности, а также творческой самостоятельности, без которой невозможна подлинная личностная самореализация. Креативность, как и ее следствие, т.е. творческая самостоятельность является одним из ключевых факторов как формирования, так и реализации смысложизненной интенциональности экзистенции человека.

Понятие экзистенции человека тесно связано с понятием его идентичности, поэтому ее утрата является для нее контрарной. Экзистенция человека есть синоним идентичности, поскольку и то, и другое обретается в социокультурном пространстве в процессе постоянной прижизненной идентификации, которая представляет собой высшую форму социализации. Вся совокупность человеческих экзистенциалов, все то, что образует человеческую экзистенцию, становится носителем идентификационных сущностей, составляющих в своей совокупности человеческое Я.

Таким образом, сущность экзистенции человека открывается не рамках той или иной конкретной дихотомии (например, «экзистенция/эссенция», «экзистенция/неаутентичность» и т.д.), а при комплексной, поливариантной экспликации, имеющей социовитальный характер. Поэтому классический бинарный антагонизм в экспликации экзистенции должен преодолеваться в рамках методологии поливариантности. Человеческая экзистенция является настолько богатым, сложным и неоднозначным феноменом, что противопо-

ставление ей лишь одной эссенции, или только одной неаутентичности и т.д. было бы явным редуционизмом, что привело к потере полноты адекватной философско-антропологической экспликации экзистенции человека. Актуализация, осмысление и признание онтологического статуса инаковости реинтерпретирует экспликации экзистенции как выходящее за рамки бинарных оппозиций. В тоже время в отечественных исследованиях на сегодняшний день, за исключением данной работы, подобной поливариантной экспликации человеческой экзистенции еще не предпринималось, что дает основание предположить, что данные наработки могут стать основой для дальнейшего исследования проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Цофнас А.Ю.* Аспекты понимания финансового кризиса // Вопросы философии. 2009. № 11.
2. *Щербаков В.П.* Социокультурные механизмы становления человека: автореф. дис. д-ра. филос. наук: 09.00.13. СПб., 2008.
3. *Лукманова Р.Х.* Экзистенциальные истины // Философия в XXI веке: международный сборник научных трудов / под общ. ред. проф. О.И. Кирикова. Выпуск 12. Воронеж: ВГПУ, 2007.
4. *Сартр Ж.-П.* Проблемы метода. Статьи / Пер. с фр. В.П. Гайдамака. М.: Академический Проект, 2008.
5. *Санников В.* Конъюнкция и дизъюнкция в естественном языке // Вопросы языкознания. 1990. № 5.
6. *Ильин В.В.* Философская антропология. 2-е изд. М.: 2008.
7. *Хайдеггер М.* О сущности истины // Философские науки. 1989. № 4.
8. *Матяш Д.В.* Жизнь и смерть: от сакральной символической обратимости к постсакральной бинарности (социально-философский анализ): Автореферат дисс... док. филос. наук. Ростов-на-Дону. 2003.
9. *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. М., 1999.

LITERATURE

1. *Tsofnas A.* Understanding of the financial aspects of the crisis // *Problems of Philosophy*. 2009. Number 11.
2. *Shcherbakov V.P.* Socio-cultural mechanisms of becoming human: Author. dis. Dr. Philosophy. Sciences: 09.00.13. SPb., 2008.
3. *Lukmanova A.D.* Existential truth // *Philosophy in the XXI century: an international collection of research papers / under total. Ed. prof. OI Kirikova*. Issue 12. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2007.
4. *J.-P. Sartre* Problems of method. Articles / Translated by V.P. Gaydamak. New York: Academic Project, 2008.
5. *Sannikov V.* Conjunction and disjunction in natural language // *Problems of Linguistics*. 1990. Number 5.
6. *Vladimir Ilyin* Philosophical anthropology. 2nd ed. New York: 2008.
7. *Heidegger*, On the essence of truth // *Philosophy*. 1989. Number 4.
8. *Matyas D.V.* Life and death, from the sacred to the symbolic reversibility postsakralnoy binarity (socio-philosophical analysis): Abstract diss ... Doc. Philosophy. Science. Rostov-on-Don. 2003.
9. *Maslow A.* New frontiers of human nature. Moscow, 1999.

***Южно-Российский государственный
университет экономики и сервиса,
г. Шахты***

13 июля 2012 г.